

«УМ С СЕРДЦЕМ НЕ В ЛАДУ?» (МОТИВИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАНИЙ НЕЯЗЫКОВЫМИ В РУССКОЙ КОГНИТИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА)

Анализируются взаимосвязи ума, сердца, души, духа, воли и тела человека в русской когнитивной и языковой картинах мира. Показано, что: 1) языковые знания мотивированы неязыковыми; 2) языковое содержание, дейктивное по своей природе, определяемое в каждый момент времени доминирующим мировоззрением, способно репрезентировать различные, даже контрастные, неязыковые представления.

Ключевые слова: мотивированность; языковая, неязыковая картина мира; диахрония.

Человечеством накоплены множественные сведения об уме, его свойствах и функционировании, тем не менее, этот главный инструмент познания действительно, скрытый от нашего непосредственного наблюдения, все еще остается одной из величайших загадок. В данной работе мы рассмотрим те аспекты ума, которые представляются особенно важными для русского (само-)сознания и регулярно реализуются в контексте речи, – его взаимосвязи с сердцем (чувствами¹), телом, волей, душой и духом человека. Исследование осуществлено в рамках разрабатываемой нами общей лингвистической теории мотивации на материале ряда словарей, 5 тыс. контекстов Национального корпуса русского языка, данных психолингвистических экспериментов, социолингвистического опроса и современной речи. Мотивированность мы определяем как относительную синхронно-диахроническую (взаимо-)обусловленность формальных, семантических, значимостных и функциональных свойств языковых и речевых единиц, а также обусловленность этих видов языкового знания субъективными и объективными представлениями человека о действительности, его витальными, социальными потребностями и психофизиологическими возможностями. Исходным для реализации поставленной задачи стал тезис о том, что язык как мотивированная во многих отношениях форма (в указанном еще В. фон Гумбольдтом смысле) накладывает определенные, хотя и подвижные, границы на практически неисчерпаемое человеческое знание, необходимые и достаточные для взаимопонимания и общения людей. Мы также полагаем, что относительно устойчивые «ближайшие», по А.А. Потебне, значения, репрезентируя то или иное, актуальное для конкретной исторической эпохи, концептуальное содержание («дальнейшее» значение), варьируются, расширяются, сужаются или же нивелируются под непосредственным, мотивированным влиянием этого последнего.

Как известно, явления интеллектуальной, эмоциональной и духовной сфер своей жизнедеятельности древний человек научился различать не сразу; не случайно одним из лексических значений слова *умъ* в др.-рус. языке с XI в. (как и в ст.-сл.) было значение «душа, совокупность духовных сил», *умный* – «духовный» (ср. *душевный* – «руководящийся разумом и чувствами (а не внушениями святого духа)»), а слова *разумъ* – «дух, воля, желание, стремление, сочувствие», «духовное постижение, созерцание» [1. Вып. 4, 21; 2. С. 53–56, 160; 3. С. 1211–1213]. Метафорический сдвиг «интеллектуальная сфера – эмоция» был ярко представлен в русском языке старшей поры: *изумѣтися* – «обезу-

меть, потерять рассудок» и «изумиться»; *съмыслити* – «думать» и «думать за одно, сомыслить, сочувствовать», *недоумѣние*, *изумѣние* – «безумие, безрассудство» и «изумление», *недоумиление* – «непонятность, непостижимость» и «смятение»; *восклокотание духовное* «кипение, бушевание страстей», *къ мысли кому быти*, *по чьей-либо мысли быти* «быть по душе» (см. [4. С. 169, 234–235]). Ср. также *умоизступление* – «неистовость, утрата ума, разсудка или сознательности своих действий» [5. Т. 4. С. 496], в современном русском языке: *умоисступление* – «крайнее возбуждение с потерей самообладания, способности здраво и разумно действовать» [6. Т. 4], аналогично *умоисступленный* (см. [7. С. 868]). В XVIII в. у слова *духъ* еще сохраняется значение «умъ, мысль»; *Онъ съ духомъ или съ душкомъ* – *говорилось о «такомъ челоѣкѣ, который имѣетъ вспылчивый нравъ, заносчивъ, спесивъ, упрямъ, причудливъ, хитръ, обманчивъ»* (см. [8. Ч. 2]). В.И. Даль отмечает: «въ просторечьи *умъ* нерѣдко принимает значение *воли*; *худой умъ*, *худой разумъ*, не только глупые поступки, безразсудные, но и безнравственные, вредные, преступные; въ семь случаѣ *умъ* потому худъ, что не смогъ осилить воли. У всякаго свой *умъ* и *разумъ*, свой *царь въ головѣ*, не только свои убѣждения, но и своя воля и своеволие» [5. Т. 4. С. 494], ср. *На доброе дело ума (=воли) не станет, а на худое станет*, а также *У тебя что, своего ума (=воли) нет?!* Следы такого «неразличения», с одной стороны, а с другой – осознанной говорящими объективно существующей (физиологической) взаимосвязи явлений ментальной, волевой и эмотивной сфер частично обнаруживаются и в современном русском языке: слово *дух*, например, означает «сознание, мышление, психические способности, нравственную сторону человека», а *душа* – весь «внутренний мир человека» и «совокупность характерных свойств, присущих личности»; слово *чувство* имеет значение «способность воспринимать, осознавать что-либо на основе своих ощущений, впечатлений», его лексико-семантический вариант – «интуитивное понимание, знание чего-либо»; *познать*, *узнать* значит не только «приобрести какие-либо знания, получить представления», но и «испытать что-либо, пережить», а *понимающий (человек)* не только «способный осмысливать», но и «сочувствующий, способный выражать сочувствие» (ср. англ. *perceive* – «постигать, воспринимать, понимать, осознавать», «ощущать, чувствовать, различать», а также *sense* «ощущать, чувствовать», «понимать» < *sensus* < *sentire* «чувствовать, воспринимать» [9]). Узуальной синтагматической значимостью в современном русском языке характеризуются

метафорические сочетания, основанные на сходстве ума, интеллекта и чувств, эмоционального состояния человека: *(не)спокойный / беспокойный* ('(не) охвачен беспокойством, переживаниями') / *(не)холодный / холодный / (не)равнодушный / мятежный / воспаленный* ('взволнованный до болезненности') / *озлобленный* / (а также окказионально – *сердитый / сухой*) ум; ум *охлаждает / воспламеняется*, окказионально: ум *забьется, как сердце, при мысли о хаосе*; ср. также устойчивые выражения *память сердца, мудрое сердце и ум сердца* («о способности правильно руководствоваться в своих поступках и действиях эмоциями, интуицией» [7. С. 867]) и старорусские: *сердечные мысли, мысли сердца, разум душевный*. Реальными в сознании современных говорящих являются следующие ассоциативные связи: *сердце* → *душа* (12), *ум* (2), *воля; понимать* → *чувствовать* (3) и обратное – *чувствовать* → *понимать* (5); *думать* → *чувствовать*; *мыслить* → *душа* [10. С. 183, 339, 482, 582, 726]. Как видим, в семантике языковых единиц находят свое закономерное отражение наиболее актуальные неязыковые представления: понимание, мышление, ум человека непосредственно связаны с ощущениями, рецепцией (данный факт фиксируется уже в первичном мотивировочном признаке слова ум²), основываются на них. Очевидно, философы рационализма были правы, когда выделяли три важнейшие ступени познания действительности: чувственность – рассудок (ум) – разум (=понимание, ср. бихевиористские воззрения), – в гносеологическом акте эти ступени, как правило, организуют единую пропозицию.

С точки зрения современной психофизиологии, эмоции представляют собой одну из основных форм отражения действительности, особый тип психофизиологических процессов, выражающий переживание человеком его отношения к окружающему миру и к самому себе, мотивирующий все другие виды деятельности, направленные на удовлетворение различных потребностей. Считается, что любые действия человека небеспристрастны, эмоции сопровождают даже рефлексy, но соотношение и взаимодействие *emotio* и *ratio* мыслятся учеными по-разному. В последнее время преобладает точка зрения, восходящая к идеям С.Л. Рубинштейна, в соответствии с которой мышление рассматривается как единство интеллектуальных и эмоциональных процессов, а эмоции неотделимы от интеллектуальной деятельности. Так, Н.Н. Данилова отмечает: «Мы сначала чувствуем, а только затем узнаем и понимаем то, что мы переживаем... При этом сами когнитивные, оценочные операции, которые влияют на эмоции, реализуются в мозге, который уже эмоционален и не является аффективно-нейтральным... Эмоция на значимый стимул – это единство аффективно-когнитивных процессов» [14. С. 175]. По мнению ряда специалистов, когнитивная деятельность может быть не только источником эмоций, но и сама зависит от эмоционального состояния субъекта. «Эмоции влияют на селективность нашего внимания к сенсорным сигналам, на эффективность и стратегию исполнительской деятельности» [Там же. С. 173]. Таким образом, как это ни парадоксально, но в своей нерасчлененности, диффузности древнее мировосприятие, отраженное в синкретичности языковых значений, полисемантической, ока-

зывается весьма приближенным к реальному модусу существования психических процессов, как их понимает современная наука.

По наблюдениям А.Д. Шмелева, «русская языковая модель определяется двумя противопоставлениями: (1) идеального и материального и (2) интеллектуального и эмоционального³. Первое противопоставление отражается в языке как противопоставление духа и плоти, второе – как противопоставление ума и сердца... При этом центральное место в русской языковой модели занимает душа, которая соединяет в себе свойства материального и идеального, интеллектуального и эмоционального» [16. С. 19]. Не случайно противопоставление ума, разума и рассудка сердцу и чувству, а тела – духу, душе фиксируется в соответствующих антонимических рядах современного русского языка. Нет никаких сомнений в их значимости, однако справедливости ради необходимо отметить, что «противопоставление», как мы убедились на примере исторических фактов языка, – не единственная форма фиксации взаимоотношений этих сущностей в русской картине мира. Рассуждая о духе и душе, далее А.Д. Шмелев подчеркивает, что, с точки зрения христианской антропологии, человек имеет тройственное строение (*дух – душа – тело*), а наивно-языковое сознание оперирует двумя оппозициями: *дух – плоть* и *душа – тело* [Там же. С. 21]. Но, по данным словаря антонимов, в современном русском языке содержится три противопоставления: *дух – тело, душа – тело* и *дух – плоть* (см. [17. С. 106, 239], при этом лексемы *тело* и *плоть* синонимичны, а *душа* и *дух* – нет), – вероятно, в силу того, что русское «наивно-бытовое» мировоззрение, отраженное в языке, исторически во многом основывается на религиозном. То же показывают и ассоциативные эксперименты, фиксирующие «срезы» сознания говорящих: стимул *душа* вызывает реакции *тело, и тело; дух* → *тело* (2) [10. С. 185]. Ассоциативные поля «душа» и «дух» сходны: *душа* → *бессмертная, живет, Бог, и Бог, улетела, летать, небо, рай, в рай, в пути, смерть, труп, возвышенная, святая* и др.; *дух* → *бесплотный, привидение, Божий, вселенский, живой, жизни, нечистый, витает, высокий, высота, выше, мертвец, ушел, умиротворенный* [Там же]. Но, помимо общей части концептуальных представлений о духе и душе, обусловленных знаниями респондентов основных религиозных догматов, обнаруживаются и различия: дух в большей мере связан с сознанием, мышлением, волей и нравственной стороной характера человека (ср. ассоциативы *дух* → *сильный, боевой, свободы, победы, взаимопомощи, противоречие, силы, характер* и языковые выражения *воспарить духом, силен духом, не сломить / поддержать (боевой) дух, воспрянуть духом, собраться с духом, набраться духу*), а душа – с чувствами, ощущениями, переживаниями и моральными качествами личности: *душа* → *болит, поет, покоя хочет, просит, нараспашку, широкая, доброта, добрый, радость, сильная, чистая, мятущаяся*, ср. также языковые сочетания *трепет души, светлая / открытая / нечистая / беспокойная / темная / падающая / заблудшая душа, жить душа в душе, души не чаять* и др. Эти различия определяются языковыми знаниями говорящих: знанием семантического ядра данных еди-

ниц, их синтагматических и парадигматических связей (ср. сведения о синонимах современного русского языка: *дух – сознание, душа – сердце – внутренний, душевный мир человека – характер – чувства* [18. С. 132]), – оформившихся, в свою очередь, под влиянием релевантных неязыковых представлений.

Душа, безусловно, – важнейшая категория русского сознания. Ее описывает втрое большее число фразеологизмов современного русского языка по сравнению с духом: *душа (сердце) не лежит / не на месте / разывается (на части), болят душой, всей душой (сердцем), от всей души, разговор / беседа по душам, излить / отводить душу, кривить душой, брать за душу* и мн. др. Душа не то же, что дух⁴. Тем не менее, у них есть и общие аспекты осмысления, свидетельствующие о генетическом родстве данных единиц: состояние души отражает эмоции, переживания, настроение человека, ср. *быть не в духе / в дурном расположении духа* ‘не в настроении’; открытая душа означает искренность, отсутствие лжи, лицемерия – то же, что и *как на духу*, ср. *раскрыть (свою) душу*; о страхе мы говорим *душа в пятки ушла* или *дух перехватило / захватило*, а о смерти – *отдать богу / дьяволу душу* и *испустить дух*. Но, пока мы живы, всем нам важно найти не только *родственную душу*, но и *близких по духу* людей – для взаимопонимания и сочувствия, ср. выражения *духовный человек* (‘с богатым внутренним, нравственным миром’) и *душевный человек* (‘добрый, искренний, отзывчивый, чуткий’), *духовное общение* – ‘на высоконравственные, интеллектуальные темы’ и *душевное общение / разговор* – ‘искреннее, теплое, сердечное’. В соответствии с доминировавшими мировоззрениями, которые репрезентировались в русской речи на протяжении всей ее истории, значимыми в русской когнитивной картине мира оказывались как чувственные или интеллектуальные, так и синкретичные, чувственно-интеллектуальные категории психики человека: его «чувственная душа» или «разум сердечный», «разумная душа» и «дельный разум», «сердце плотное», «чувственное» или же «духовное», «целостный дух», «духовность» и др. Какое же место во всех этих структурах занимает ум?

А.А. Зализняк полагает, что ум локализуется в «низкой» сфере русской когнитивной картины мира рядом с телесным и противостоит душевному и духовному [15. С. 88]. Аналогичного мнения придерживается С.Г. Тер-Минасова: для русского народа понятие духовность, «душа» является «главным, стержневым, превалирующим над рассудком, умом, здравым смыслом» [19. С. 166]. Исследователь приводит соответствия, иллюстрирующие иную картину в английском языке, где во главе угла стоит здравый смысл, рассудок: *душевное спокойствие – peace of mind, душевное расстройство – mental derangement, камень свалился с души – It is (was) a load (weight) off one's mind* [Там же. С. 167]. На другом полюсе научных мнений находится высказывание М.А. Соколовой: «Интеллекту соответствует чрезвычайно высокая ценность» (см. [20. С. 11]). Если принять во внимание целостную русскую когнитивную картину мира в ее развитии, а не какой-то отдельный синхронный срез, то не все будет выглядеть так однозначно. Поскольку ум – это мыслительная,

познавательная способность, лежащая в основе сознательной деятельности, сознания, то с учетом только что изложенных рассуждений он должен соотноситься как минимум с духом, духовной стороной человека. А. Колмагорова, например, анализируя современные словарные значения, заключает, что «**мысль** – это то, что заполняет сознание, состояние души человека» [19. С. 69]. С последней частью высказывания вряд ли можно согласиться, это скорее речевой смысл, неязыковое знание, рефлекс архаических представлений или же следствие отождествления души с менталитетом. Однако не стоит забывать, что *думать* и *дух, душа, дышать* – исторически родственные слова; необходимо дополнительно подчеркнуть: лексема *ум* до XIX столетия обозначала не только совокупность духовных сил, но и душу.

Приведем еще два аргумента в пользу неоднозначности статуса ума в русской когнитивной картине мира. Во-первых, согласно православно-христианским учениям, в значительной мере определявшим «наивное» сознание народа, а также ряду концепций русского религиозно-философского Ренессанса, ум – это врожденная сила, способность мыслить, это «разумная», «божественная» часть души или духа. Другая часть интерпретировалась как нрав, страсти, «чувственная половина», способная подвергаться земным, низменным соблазнам: грехопадение совершается не умом человека, а под влиянием его чувств, желаний (об этом говорят русские пословицы: *Сердце не стерпело – страсти взяли верх; Дай сердцу волю – заведет тебя в неволю; Не умом грешат, а волей; Своя воля страшнее неволи*). Разумная же душа призвана создавать духовные ценности и осуществлять «просветление» плоти, поскольку смысл человеческой жизни заключается в духовном Преображении. Во-вторых, пространственное положение ума, души и сердца в русской модели мира основывается на анатомическом строении тела человека: ум локализуется преимущественно в верхней части вертикальной системы координат. Специальные исследования показывают, что в истории изменяется лишь его аксиологическая характеристика: в древнерусском языке высота ума оценивается, как правило, отрицательно (*высокоумие, высокоумдрьство(-ие)* – «высокомерие, гордость, заносчивость», *высокоумный* – «высокомерный, заносчивый», *высокоумити, высокомыслити, высокоумдровати* – «гордиться, вознестись, заноситься», ср., однако: *высокий* – 4. Возвышенный, исполненный духовности; 5. Высокомерный, заносчивый, гордый; *высота* – 3. Величие, совершенство; 4. Высокомерие, гордость, надменность; *высокомыслный* – «исполненный высоких помыслов» [21. Т. 2. С. 251–254]). В современном же русском языке она положительно маркирована: *высокий, возвышенный, выпренный ум, высокие / выпренные мысли, воспарить умом / мыслью* и т.п. «Высокое» положение ума в древнерусском языке соответствует предназначению интеллекта сдерживать чувственные порывы низменной, «плотной» части души и стремиться к познанию божественной сути; горделивый же, «земной» ум, возносящийся над религиозными ценностями, презирающий их, резко осуждается. В современном русском языке высота ума поощряется в

силу его одухотворенности, нравственной силы, творческой мощи, противопоставленности душевным страстям, плотским потребностям и узкобытовым интересам. Отметим также, что стратегия кодирования положительных интеллектуальных, морально-этических, религиозных и других характеристик как сущностей, имеющих верхнее, высокое пространственное положение, является традиционной для русской языковой картины мира (ср.: *низкий ум* – ‘аморальный, безнравственный’). Таким образом, само душевное и духовное, как и интеллектуальное, в русской картине мира имеет амбивалентный статус; для объяснительной, мотивационной, лингвистики важно понять почему.

Помимо указанных выше наименований с синкретичной семантикой, свидетельствующей о тесной взаимосвязи ментальной, модально-волевой и эмоциональной сфер психической жизни человека, существовали и многие другие, подобные. Например, *мысленѣ* – ‘в мыслях, в душе, в воображении, умозрительно, абстрактно’ [1. Вып. 9], *умовая работа* – ‘умственная, трудъ ума, духовный, вообще не тѣлесный» [5. Т. 4. С. 495], ср. также др.-рус. *разоумъ* – ‘сочувствие’; *разоумънии* – ‘относящийся къ душѣ, духовный’ [3. С. 53, 55]. *Разумѣвати* в XI–XVII вв. выражало значение ‘чувствовать, воспринимать, замечать’, как и *разумѣти* [1. Вып. 21]. *Сердце* до XIX в. обозначало не только одну «изъ главнѣйшихъ внутреннихъ частей въ тѣлѣ животномъ», но и «мысль, помышление» [8. Ч. 6]. Показательно в этом плане и толкование значения слова *разумъ*, приведенное в том же словаре: это «способность души, посредствомъ которой человекъ понимаетъ, судить и умствуетъ или выводить по смотрѣнїи и соображенїи слѣдствїя». Православные отцы церкви слово *ум* часто заменяли термином *дух* – *пневма* (греч. πνεῦμα «дыхание, дуновение, дух», отождествляемый с логосом-первоогнем). Очевидно, что подобные представления были сформированы не только в силу слабой способности средневекового человека разграничивать называемые им абстрактные сущности, но и во многом под влиянием религиозных учений. Большую дифференцированность и определенность семантики все эти единицы получили лишь к концу XIX в. благодаря бурному развитию биологии, медицины, психологии, философии и лингвистики. Влияние религиозного мировоззрения, однако, по-прежнему сказывается, например, в значении русского слова *душевнобольной* ‘сумасшедший, умалишенный’, ср. др.-рус. *бѣсоватиса, бѣситиса* — 1. Быть одержимым бесом, быть в состоянии сумасшествия; 2. Безумствовать, неистовствовать; ср. также *богооумънии, благооумънии* – «благоразумный, мудрый, благонравный» (=просвещенный божественной, религиозной мудростью) и еще одно – *безоумство* – «неразумие (о язычниках)» [21. Т. 1. С. 146, 211, 271, 364, 365]. По наблюдениям С.Г. Тер-Минасовой, слово *душа* в русском языке (вернее все-таки сказать: в современном русском⁵) «дает наивысшую частотность употребления в значении ‘внутренний психический (психологический) мир человека’. В своем религиозном значении ‘нематериальное начало’ оно употребляется гораздо реже» – 510 к 44 употреблениям в словаре А.С. Пушкина⁶ [19. С. 164–165]. Тем не менее следует отметить,

что религиозное значение и семантический синкретизм этого слова сохраняются и поныне (см. толковые словари). Ситуация не может быть иной: как известно, консервации языковых значений способствуют, прежде всего, социальные условия; в данном случае, помимо «культурно-исторической памяти слова», мотивирующим фактором является также новая волна клирикации современного общества.

Наглядную картину сопоставления и противопоставления ума, тела, сердца (чувств) и воли человека, обусловленных как онтологически (объективными свойствами психофизиологии человеческого существа), так и гносеологически (религиозными и морально-этическими воззрениями русских), представляет широкая область речевых смыслов «Национального корпуса русского языка»⁷: ...*все, чем владеет наш ум, все, что делает наши сердца такими богатыми, достигает до нас через наши чувства* (А. Блум); *Казалось, чем слабее и немощнее становилось его тело, тем упрямее и сильнее был его дух* (Б. Полевой); *Не плоть одна страдает – болен дух* (А.К. Толстой), ср. пословицу: *В здоровом теле здоровый дух* (на самом деле одно из двух); ...*кипела душа, туманила ум* (П.И. Мельников-Печерский); ...*при всей горячности сердца был ум спокойный и рассудительный...*, *привыкший сдерживать внутренние порывы* (Д.В. Григорович); ...*буйная кровь... палит молниями ум* (А.А. Бестужев-Марлинский); *Наше сердце окаменело и часто даже не содрогнется, видя, как ум наш глумится над истиной* (Н. Торопцева); *Мой ум был совершенно побежден, но сердце не соглашалось* (С.Т. Аксаков); *Ум, сердце, воля воюют между собой* (А. Блум); *Весы колеблются: ум говорит почти «да», но в душе что-то шевелится похожее на veto* (А.А. Бестужев-Марлинский); *Разум говорит мне – спорь, а сердце – не надо* (М. Горький); ...*ум человека живет независимо от сердца и часто вмещает в себя мысли, оскорбляющие чувство, непонятные и жестокие для него* (Л.Н. Толстой); *Он всегда постигает сердцем, чего, может быть, и не сумеет объяснить себе умом* (А.К. Толстой); *Душа ее была щедра, а ум пребывал в анабиозе* (Г. Щербакова); *Ум ищет божества, а сердце не находит* (А.С. Пушкин); ср. также выражение *сойти с ума от горя* и пословицу *Любовь и с ума сводит и ум дает*. Обобщая выраженные здесь идеи, можно заметить, что в более поздних контекстах XVIII–XX вв. дух, душа, чувства, сердце, тело, воля и ум предстают в ином свете: сосуществуя как относительно независимые явления, они способны взаимодействовать, сообщаться либо (что чаще) противодействовать друг другу в процессе нравственного выбора человека, познания действительности, совершения им каких-либо поступков – в процессе его жизнедеятельности. Метафорические представления о партикулярности души, ума, сердца, разума, рассудка, воли и плоти обусловлены теми противоречиями, в которые действительно то и дело вступают интеллектуальные, эмоциональные и физические стороны человеческого существа. Картина крайней рассогласованности ума и чувств изображается в шутивно-ироническом стихотворении «Суд» М. Воронцова:

*Хотела **сердцу** приказать,
Душа заступницей – пусть!
Хотела **душу** наказать,
Да **сердце** встало на пути.
Я ноги в руки, и вперёд –
Спросить совета у **ума**.*

*Пришла в палаты, ну а тот:
«Давай уж как-нибудь сама...»
Подвёл меня **властитель дум**.
Легко ему сказать: давай,
Когда «**мотор**», **душа** и **ум**
Рвут на три части каравай!*

Очевидно, насколько языковая концептуализация в подобных контекстах далека от анатомических знаний, но и она имеет мировоззренческую подоплеку, выступающую в качестве внешнего, гносеологического, мотивирующего фактора. В отличие от западного, рационалистического, или восточного, иррационально-мистического, основанного на интуиции мировосприятия, русское религиозное сознание стремилось к «положительному Всеединству», «целостности Духа», достижение которых мыслилось путем синтеза действующих разрозненно чувственных, интеллектуальных и волевых импульсов, направления их на познание божественной мудрости. С одной стороны, русским идеалом являлось «общеорганическое чувствование», другой же этноспецифической мировоззренческой доминантой было повышенное доверие сердцу⁸: «великие мысли истекают из сердца» (К. Батюшков); «Главное в человеке – это не ум, а то, что им движет: характер, сердце, добрые чувства, передовые идеи» (Ф.М. Достоевский). В этом смысле верным представляется следующее замечание А.Д. Шмелева: «В качестве средоточия эмоциональной жизни человека сердце и кровь противопоставляются голове и мозгу (мозгам), в которых локализуется интеллектуальная жизнь человека и его память» [16. С. 34] (память, однако, не является привилегией ума, ср. фразеологизм *память сердца*).

Сердце, действительно, в русской когнитивной картине мира является средоточием чувств, переживаний, настроений человека (существуют, однако, и *настроения умов*), символом отзывчивости, доброты, любовной привязанности, душевного мира человека и т.п. Оно, как мы видели, контекстуально в значительной мере противопоставлено уму, разуму, рассудку. Это физический и духовный центр человека, выражающий его истинное «я» (в *глубине сердца / души*), оно способно постигать то, что недоступно интеллекту – добро, красоту, суть зримых и незримых вещей (*сердце чувствует / слышит / видит; у сердца уши есть*); оно направлено к Богу, более того, оно есть место встречи человека с Богом (*Где же ты, Боже, если не в сердце моем?*; *Сердце – храм, славящий тебя, Иисусе!* – из молитв). Примечательно, что русские конфликту интеллектуального и чувственного придают особое значение. Сердце олицетворяет мудрость чувства в противоположность мудрости рассудка (ср.: *ум сердца* и *ум ума*, по Л.Н. Толстому; различие принципов *жить умом* и *жить сердцем*). Это дает повод считать, что «когда у русских «ум с сердцем не в ладу», они, по-видимому,

чаще, чем другие народы, предпочитают сердце» [19. С. 169]. Сердце может предпочитаться уму, разуму, рассудку, если они уведут человека от истины и деятельного добра абстрактными, умозрительными рассуждениями («*Абстрактный ум – раковая опухоль на теле простых и ясных чувств*» (М. Палей)⁹). Однако сердце не только центр любви, сострадания, понимания и духовности, это еще и источник своеволия, ненависти, злобы, раздражительности и гнева, это поле битвы Добра и Зла, противоречивых (божественных и дьявольских) устремлений человека; русская пословица гласит: *Сердце душу бережет и душу мутит*. Печально, но исторический опыт показывает: и такое сердце русские могут предпочитать уму, разуму, рассудку и нравственным ценностям. Данные концептуальные признаки представляются настолько важными, что фиксируются языковой семантикой слова *сердце*: ЛСВ первичного его значения – «символ отзывчивости, доброты», «символ любовной привязанности, склонности», ср. 3. «Внутренний мир человека (сфера эмоций, интуиции и т.п.; обычно в противопоставлении рассудку разуму); душа» и 5. Гнев, раздражение, злоба [7. С. 36], ср., например, *сердце доброе / золотое* и *черствое, сердцем крут, сказать что-либо в сердцах*.

Стремление очистить греховное сердце (как и душу, и ум, и все тело) иллюстрируют молитвы, с которыми русские христиане обращаются к Богу и Божьей матери: *...во исцеление души же и тела моего, во изгнание всякого злого, в просвещение очей сердца моего, в мире душевных моих сил...; ...пройди в члены тела моего, во все составы, внутренности, в сердце. Испепели скверну всех моих прегрешений. Душу очисти, освяти помышления, укрепи меня, пять главных чувств просвети... Сотвори меня жилищем только Духу Твоему, и уже не жилищем греха...; Сердце мое каменное освяти и сподоби его благодати Твоей!; Освяти темницу греха и содейлай сердце колыбелью благодати; Боже, открой мне правду Твою, дабы не переставало рыдать сердце вовек о грехах своих*.

Думается, что с учетом всего сказанного выше, многие русские в ряде случаев предпочтут как для себя, так и для ближнего своего *разум, трезвый рассудок и здравый ум*, нежели *тяжелое, греховное, своевольное сердце* или *темную, раздираемую противоречиями и страстями душу*. Об этом свидетельствуют следующие народные пословицы: *Сердце делу не в помощь; Сердцем ничего не возьмешь / не сделаешь; Сердцем и соломинки не переломишь; Берись за ум, чтобы потом не пришлось хвататься за голову*.

В «Национальном корпусе русского языка» есть довольно большая группа высказываний, в которых лексема *ум* синтагматически предшествует слову *сердце*: *очистив свой ум от недостойных мыслей, сердце от скверных чувств; прояснился ум, стало мирное сердце; Стараемся заполнить чем угодно ум и сердце; испытывает свой ум, сердце, знания; человек выбирает сам – что подсказывает ему его ум, сердце, совесть; уроки... согревали и ум, и сердце; такая жизнь начала сильно действовать на мой детский ум и сердце; ум и душа стали чем-то полны, какое-то дело легло на плечи; Он спешил... вооружить юный ум для борьбы с соблазнами и огородить душу; как подсказывают ум и сердце; он... задел ум и сердце* и т.п.

Думается, что данная препозиция не является случайной, она мотивирована представлением об уме, разуме и рассудке как контролирующих «органах» человека, которые призваны сдерживать его эмоции, чувственные порывы, страсти. Мудрость – основанность на разуме, умение руководствоваться здравым смыслом – одна из добродетелей не только средневекового человека, но и человека вообще, его духовного идеала. Очевидно, осуждение эмоциональности исходит прежде всего из религиозных канонов. Однако примечательно, что и церковь поверяет контролирующую роль сознанию: ум, разум, согласно православному вероучению, данные от Бога, не только являются признаками богоподобия человека, отличающими его от других живых существ, но и, как главные познавательные силы, возвышаются над прочими, чувственными, элементами человеческой природы (душой, сердцем, волей и т.п.), они призваны преодолеть их внутреннюю разрозненность.

Безусловно, церковь не интересуется критический, адогматично мыслящий, пытливый, аналитический ум (*Ум – смерть веры* (Э. Радзинский)), она делает ставку на ум человека (в меньшей мере) и его разум (в большей степени) как средства богопознания и богообщения (*Просвещенный верою ум ведет человека узким путем спасения, учит обуздывать страсти* (Ф. Искандер)). В самой внутренней форме слова *духовенство* содержится указание на то, что религия, церковь призваны осуществлять воздействие на *сознание*=дух, формировать *духовность* человека. Вот почему предикаты мыслительной деятельности в древнерусском языке часто выражали этическую оценку: *доброумудры* ‘умный, благоразумный’, *доброразоумьныи* ‘имеющий здравый ум, благоразумный’, *благооумие* ‘благоразумие, благонравие’, ‘благожелательность, благоволение’, *зълумудрыи*, *зълумудръныи* ‘рассуждающий, мыслящий ложно, в противоречие с догматами веры’, *зълумудръствовати* ‘проповедовать ложное, вредное учение’, *зълумие* ‘неразумие’ [21. Т. 1. С. 211, 417, 418, 424; Т. 3. С. 9].

Рассмотрение же контекстов не религиозно-нравственного, а научно-философского характера, особенно последнего столетия, показывает, что в русском материалистическом миропонимании уму как главному познавательному инструменту человека, ментальному механизму отводится еще более значительная роль, обеспечивающая сохранение и развитие цивилизации; образование, эрудиция, интеллект являются важнейшими ценностями современного общества. О взаимосвязи и релевантности ума и знаний свидетельствуют следующие ассоциативные реакции: *ум* → *знание* (2), *знать что-либо*, *эрудированность*; *умный* → *знайка*, *ботаник*; *знать* → *умный* (4), *ум*, *интеллект*, *голова*, *мозг*, *учить*, *думать*, *понимать* (9), *мочь* [10. С. 168, 686, 687]; а также пословицы: *Учить – ум точить*; *С книгой поведешься – ума наберешься*; *Счастье тот добывает, кто ума учением набирает*; *Кто не учен, тот глуп*; *Знание – половина ума*. В современном лексическом значении слова *ум* одной из центральных является сема ‘познавательная способность’. И, несмотря на реально существующие в сознании говорящих нюансы языковой семантики, почти половина

(44,8%) наших респондентов полагает, что *ум* – это либо способность получать и накапливать знания (=обучаемость, память), либо сама совокупность знаний об окружающем мире, приобретаемых человеком в результате обучения (=образованность, грамотность, эрудиция), жизненный опыт (=знания о жизни, «жизненные знания»), и, как следствие, способность / умение находить / давать ответы на любые вопросы, выходить из сложных, затруднительных жизненных ситуаций, решать проблемы. По-видимому, метонимия «ум – познавательная способность → ум – совокупность знаний, эрудиция» (ср. др.-рус. *оумъ* «знание») служит особым методом компрессии неязыкового содержания, при котором нейтрализуются некоторые важные, всплывающие в детальном рассмотрении предмета, признаки. Так, с другой стороны, в русской когнитивной картине мира закреплено представление о неоднозначности корреляций между умом человека и его образованностью, эрудицией: весьма расхожим в речи изучаемого периода является афоризм Гераклита Эфесского *«Многознание уму не научает»*, ср. также народные пословицы *Лучше не учен, да умен, нежели учен, да глуп*; *Много ученых, да мало смышленных*; *Учен, да не умен, в полщены он*; *Не нужен ученый, а нужен смышленный*; *Всяко полужнание хуже всякого незнания*¹¹.

Известный физиолог И.П. Павлов в своей работе «Об уме и о русском уме» утверждал, что *настоящий ум* есть «ясное, правильное видение действительности», «точное ее познание», подразумевая под таковым прежде всего естественно-научный ум. В российском гипертексте можно обнаружить следующие характерные рассуждения: *«Нет сомнения, едва ли кто из нас может отрицать тот факт, что достижения современной цивилизации обусловлены мощью человеческого разума. Повседневные мы окружены чудесами человеческого гения... Человек использовал свой творческий ум для того, чтобы обустроить свой быт и придать смысл своему существованию»*; *«Люди ума и талантливых рук облегчали и облегчают сегодня жизнь сотен миллионов людей»*; *«Вся история науки говорит не только о несокрушимой мощи научного разума, но и о тех вызовах, с которыми он постоянно сталкивается»*. Традиционным противовесом естественно-научному пафосу выступает общественное мнение, выражающее озабоченность сохранением гуманитарных ценностей, духовности, нравственности, являющихся строгим цензом развития цивилизации. Конфликт духовного и материального – одна из важнейших тем русской литературы, а значит, и констант русского мировосприятия. Ортодоксальные противники прогресса доходят до полного отказа не только от рационального, научного ума, но и от здравого смысла. Анализируя современную действительность, противостояние двух главных мировоззрений, д. физ.-мат. наук, член-корреспондент РАН, Л. Пономарев отмечает: *«Склонность к мистике и вера в чудеса, по-видимому, присущи природе человека, и в стародавние времена их симбиоз с религией был основой его миросозерцания. Но за четыре столетия просвещения и науки создана новая картина мира, без ссылок на чудеса и божественное откровение. Сейчас она подвергается массовой атаке»*; *«Практически исчезли некогда общедоступные научно-популярные журналы, их место заняли*

сочинения магов, астрологов и откровенных шарлатанов от науки, телевидение прочно обжили инопланетяне, вампиры и привидения, там публично обсуждают вопрос о воскрешении мертвых, а в качестве экспертов приглашают богословов¹²... Подобно воздуху, который мы не замечаем при дыхании, абсолютное большинство людей не осознает, насколько значимо научное мировоззрение в нашей повседневной жизни. Именно оно изменило сознание, быт и даже моральные категории цивилизованных народов¹³. Общеизвестно, что мораль, нравственность, духовность порождаются не только религиозным чувством. Более того, высшая нравственность, как считают адогматично мыслящие умы, – в обретении свободы от невежества и предрассудков во имя человеческого достоинства. Лингвистам, делающим глобальные выводы о русской когнитивной картине мира, также не следует пренебрегать важнейшей ее частью – научной, в которой сердце, чувства и душа, в отличие от ума, разума и рассудка, занимают весьма скромное место.

Столетия формирования русской научной картины мира были трудными, но в итоге мы видим ее влияние на общественное сознание, приспособляющее для своих коммуникативных нужд языковую систему. Первичные значения исследуемых нами лексем в современном русском языке основаны на научном мировосприятии: *ум* – ‘способность человека логически мыслить, понимать, познавать что-либо’ (заметим: именно «способность», а не «орган»), *воля* – ‘способность человека сознательно управлять своими действиями для достижения поставленных целей’, *чувство* – ‘способность живого существа воспринимать психофизиологические ощущения, реагировать на внешние раздражители’, *тело* – ‘организм человека или животного в его внешних физических формах и проявлениях’ (см. указанные выше значения слов *дух* и *душа*, по данным современных толковых словарей). Нет ничего религиозно-мистического и в первичном значении слова *сердце*: ‘центральный орган кровеносной системы животных и человека’, ‘орган кровообращения’, ‘обуславливающий, благодаря ритмическому сокращению мышечных стенок, движение крови в организме’, ‘в

виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости’. В связи с этим представляются вполне закономерными, мотивированными научным мировоззрением, следующие «анатомические», ассоциативные реакции говорящих: *сердце* → *человека* (27), *больное* (21), *орган* (14), *кровь* (11), *хирург* (8), *стучит* (7), *печень* (6), *красное* (5), *биение* (4), *здоровое* (4), *здоровье* (4), *легкие* (4), *аорта* (3), *инфаркт* (3), *организм* (3), *остановилось* (3), *почки* (3), *пульс* (3), *в груди* (2), *пересадка* (2), *грудь*, *желудочек*, *анатомия*, *биология*, *артерия*, *желудок*, *клапан*, *мышца*, *операция*, *почка*, *сердцебиение*, *трехкамерное* и др. [10. С. 582].

Таким образом, ошибочно полагать, что русская когнитивная картина мира в целом основывается на каком-либо одном (например, религиозном или «наивном») мировоззрении. Данный фрагмент концептосферы ума, пожалуй, как никакой другой, свидетельствует о неоднозначности отражаемой в языке и с помощью языка действительности. Калейдоскопическую пестроту концептуально-речевых реализаций языковых единиц различных исторических периодов создает сосуществование, взаимодействие или же противопоставленность наивно-бытового, религиозного, философского, художественно-поэтического, естественно-научного, гуманитарного и др. пониманий мира. В результате ум (как и сердце) не является ни абсолютной категорией, ни абсолютной ценностью: статус его неоднозначен, он варьируется в тесной связи с доминирующими интерпретациями, с концептуальной множественностью изображаемых миров. Подобное соотношение языковых и неязыковых знаний можно определить с помощью термина Э. Сепира – как «дрейф», медленное изменение под влиянием разнообразных онтологических, гносеологических и интралингвистических факторов, направленное на достижение важнейшей коммуникативной цели: язык, построенный по принципам семиотичности (дейктичности), информативности, структурности, мотивированности, динамичности, экономичности и др., должен быть способным репрезентировать практически любое необходимое содержание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В проанализированных нами контекстах это чаще всего любовь, горе, страх, гнев, ревность, чувство одиночества и совесть.

² *Ум*, согласно одной из этимологических гипотез, восходит к и.-е. корню **au-* со значением «воспринимать органами чувств», «понимать», к тому же, что и в лит. *ouye-* «наяву, настороже» (ср. др.-инд. *-avati* с приставками *ud-* и *pra-* «замечает», «принимает во внимание») [11. Т. 1. С. 290], [12. Т. 4. С. 161]. Н.В. Горяев приводит также лат. *av-is-d-īre* «слушать», *au-t-um-āre* «полагать, говорить» (аналогично в греческом) < **av-* «примечать, узнавать, познавать, знать» [13].

³ Для решения вопроса о мотиваторах языковых явлений не будет лишним процитировать высказывание А.А. Зализняка о том, что «противопоставление души и тела как «высокого» и «низкого» не является специфическим именно для русской картины мира: это – одна из констант христианской культуры в целом» [15. С. 88].

⁴ О различиях в понимании онтологии души и духа в русской картине мира см. наблюдательные замечания А.Д. Шмелева в книге [15. С. 21–25].

⁵ Во всех исторических словарях первичным является именно религиозное значение слова *душа*, вычленяемое контекстуально: «бессмертное нематериальное начало в человеке», «бесплотное существо, носитель жизни и духовного мира человека, способное существовать отдельно от тела».

⁶ Известно, что А.С. Пушкин был весьма просвещенным человеком и, согласно специальным филологическим исследованиям, его религиозность своеобразна: она далека от церковно-христианских догматов.

⁷ Особенности этого речевого материала определяются его функционально-стилистической характеристикой и принадлежностью к определенному историческому периоду. База данных Корпуса не является полной.

⁸ Ср. выражение данных идей в попытке определить свойства русского национального характера в трудах российских философов В.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева и В.П. Вышеславцева, П.Д. Юркевича, П.А. Флоренского и др.

⁹ По нашим наблюдениям, в русской когнитивной картине мира есть социально одобряемая мера ума: *ум* характеризуется как *нормальный* / *ниже нормы*, его может быть *много* / *мало* / *(не)достаточно* и т.п. Ума не должно быть ни слишком много, ни слишком мало, а ровно

столько, чтобы человеку можно было устроить собственное счастье и не закрывать место под солнцем другим людям; от большого ума человеку горе: *От большого ума досталась сума; От большого ума сходят с ума; Ума палата, а спина горбата; С умом жить – мучиться, а без ума – тешиться.*

¹⁰ Насколько нам известно, подобного специального исследования в науке не предпринималось. В общем контексте русской речи довольно часто фиксируется ситуация разлада ума и сердца. Было бы небезынтересно узнать, что в действительности предпочитают русские. Вероятно, такие предпочтения варьируются исторически и определяются доминантным мировоззрением. Резонно предположить, что, если бы преобладал выбор ума, а не чувственного, своевольного сердца или «авось», путь России оказался бы более приближенным, например, к европейскому.

¹¹ Данный фрагмент картины мира сочленяется с представлениями об «умничанье» (*умовредном мудрствовании, умовредном или вредительном учении*; ср.: *доумствовался до безумия, сумничать, переумничать, заумствоваться, заумничаться, заумь, мудрить* и т.п.), о толке и бестолковости, практических умениях человека и с идеей горя от ума, выражаемой распространенным библейским высказыванием «...во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь».

¹² Примечательно, однако, что против такого положения вещей выступают и некоторые богословы, например архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Никон: «Это просто невероятно! XXI век на дворе, и я, архиерей Русской православной церкви, встаю на защиту науки и просвещения, в то время как «прогрессивная элита» масс-медиа тиражирует на многомиллионную аудиторию лженаучные знания и средневековые суеверия!» (см. «Курьер культуры» за 12.02.2008). «Умом Россию не понять»?!

¹³ См. статьи Л. Пономарева: Телемистика // Наука и жизнь. 2008. № 11; Оправдание науки // Здравый смысл. 2008. № 3 (48).

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2004. Вып. 1–28.
2. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Издание отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 3: Р-Я и дополнения. СПб., 1912.
3. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М.: Книга, 1989. Т. 3, ч. 2.
4. Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков). Уфа: РИО БашГУ, 2006.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Изд-во М.О. Вольфа, 1880–1882. Т. 1–4.
6. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4.
7. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2005.
8. Словарь Академии наук Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822. Ч. 1–6.
9. Skeat W. A concise etymological dictionary of the English language. New and corrected impression. Oxford, 1967.
10. Караулов Ю.Н., Черкасова В.А. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. М.: АСТ, Астрель, 2002. Т. 1.
11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2002. Т. 1, 2.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Б.А. Ларина; Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986. Т. 1–4.
13. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Тип. канц. главнонач. 1 гр. ч. на Кавказе, 1896.
14. Данилова Н.Н. Психофизиология. М.: Аспект-Пресс, 2002.
15. Зализняк А.А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1. С. 85–105.
16. Шмелев А.Д. Русская языковая модель: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.
17. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко, 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986.
18. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2008.
19. Соколова М.А. Выражение признаков интеллекта фразеологизмами русского языка (на фоне испанского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
20. Колмагорова А. О двух видах «черных мыслей» в русском языке // Обработка текста и когнитивные технологии. Text processing and cognitive technologies. Moscow; Varna, 2005. № 12. С. 65–75.
21. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1988–2000. Т. 1–6.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 апреля 2009 г.